

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОСПОСОБНОСТИ
И СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА© 2008 г. В. В. Груздев¹

В настоящее время человек становится обладателем правоспособности без каких-либо действий с его стороны. В п. 1 ст. 17 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) дано понятие правоспособности как способности иметь гражданские права и нести обязанности, признаваемой в равной мере за всеми гражданами. Закон связывает момент возникновения и прекращения правоспособности с тем или иным юридическим фактом. Начало правоспособности физического лица определено моментом рождения, соответственно прекращение правоспособности определено моментом биологической смерти (п. 2 ст. 17 ГК РФ).

Во Французском гражданском кодексе оба термина – “правоспособность” и “дееспособность” обозначаются одним словом “*sapacité*”, при этом и доктрина, и судебная практика трактуют правоспособность как способность обладать правами, а дееспособность – как наличие способности самому лицу совершать действия, которыми порождаются гражданские права и обязанности. В гражданском праве Англии и США, несмотря на отсутствие общего, статичного понятия правоспособности, словами “*legal capacity*” и в научной литературе, и в судебных решениях иногда обозначают пассивную (*passive capacity*) и активную (*active capacity*) правоспособность, чем постепенно утверждают существование подобных категорий², приближая их к континентальным понятиям.

Общее понятие правоспособности граждан (физических лиц) также дается в п. 1 ст. 16 ГК Республики Беларусь, которая определяет правоспособность как способность иметь гражданские права и нести обязанности. Аналогичный подход к определению правоспособности применяется в законодательстве других стран постсоветского пространства (п. 1 ст. 13 Гражданского кодекса

Республики Казахстан, п. 1 ст. 11 Гражданского кодекса Грузии, п. 1 ст. 25 Гражданского кодекса Украины).

Вместе с тем юридической наукой не выработано единого, общего понимания правоспособности. Спектр мнений достаточно широк: от ее характеристики как предпосылки правоотношений, свойства, качества до определения ее как своего рода субъективного права. Встречаются и довольно своеобразные концепции. Так, В.Г. Антропов считает, что правоспособность есть система предусмотренных правом признаков субъекта, необходимых и достаточных для приписывания осознанно-волевого отношения к совершению определенного поведения субъекта. Правоспособность становится таковой лишь вследствие операции правовой формализации дееспособности, которая, в свою очередь, есть предметная область психологии³.

В 20-е годы XX в. П.И. Стучка предложил определять правоспособность как свойство, или право, делегированное, перепорученное человеку государством. “Лицо должно быть правоспособно, т.е. иметь законное право быть субъектом права”. Именно власть, издающая закон, определяет, кто имеет это право, которое как бы делегировано государственной властью. Аналогично он объясняет понимание правоспособности буржуазными юристами, где, согласно теории социального договора, все воли объединяются в коллективную волю государства, а от государства уже получают свою равную волю отдельные лица. Так получается понятие субъекта права, как отвлечение индивида или лица, которому делегирована государством равная доля всей воли, так получается равенство воли⁴. Способность быть субъектом прав есть социальное свойство, добавляет Е.Б. Пашуканис. Субъект прав абстрагируется из актов рыночного обмена, в которых человек практически реализует формальную свободу

¹ Заведующий кафедрой гражданского права и государственного юридического факультета Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, кандидат юридических наук.

² См.: Виткявичус П. Гражданская правосубъектность Советского государства. Вильнюс, 1978. С. 34–35; Сулейменов М.К. Субъекты гражданского права // Избр. труды по гражданскому праву / Научн. ред. В.С. Ем. М., 2006. С. 20; Чантурия Л.Л. Введение в Общую часть гражданского права (Сравнительно-правовое исследование с учетом некоторых особенностей постсоветского права). М., 2006. С. 96–97.

³ См.: Антропов В.Г. Правоспособность как правовая формализация дееспособности // Новая правовая мысль. 2006. № 6 (19). С. 2.

⁴ См.: Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. I. М., 1927. С. 183; Его же. Курс советского гражданского права. М., 1929. С. 35; Его же. Введение в теорию гражданского права // Избр. произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 668.

самоопределения⁵. Более развернутая аргументация содержится в работах С.Н. Братуся, где им отстаивается тезис о том, что правоспособность – это право быть субъектом прав и обязанностей⁶.

На наш взгляд, правоспособность есть качество, но не право. Такая характеристика правоспособности не позволит смешивать ее с другими правовыми явлениями, такими, например, как право собственности. Легальная дефиниция российского законодательства дает понимание правоспособности как качества, абстрактной способности, которое не совпадает, например, с таким же легальным понятием содержания права собственности, как возможность владеть, пользоваться и распоряжаться. С учетом того, что в научной литературе содержание права собственности раскрывается по-разному и при этом зачастую не ограничивается известной триадой, отношение к правоспособности как к праву или суммарному выражению прав, которое все равно имеет количественную составляющую, ставит ее на один уровень с правом собственности в субъективном смысле. Подобный подход использует О.С. Иоффе в своих первых работах, когда определяет субъективное право через поведение обязанного лица, в котором в целях удовлетворения своих интересов нуждается управомоченный. В этом случае позитивное содержание права собственности не раскрывается, а социальная природа права собственности не изменяется. Ю.К. Толстой отмечает в этом влияние идей С.И. Асканазии, который не был склонен относить право собственности к числу субъективных прав, считая, что право собственности ближе к правоспособности, чем к субъективному праву⁷.

Правоспособность обладает своим специфическим социальным содержанием, которое, используя мысль О.А. Красавчикова по отношению к правосубъектности, “не однопорядково с социальным содержанием правовых норм, не тождественно социальному содержанию правоотношений, равно как и субъективных гражданских прав и обязанностей, из которых складываются гражданско-правовые связи”⁸. Свойство и качество характеризует в нашем случае лицо, способное к правообладанию. Качество это, несомненно, с од-

ной стороны, является социально-юридическим как определенное общественное свойство, закрепленное законом за гражданином или организацией, существование правовой связи между государством и лицом. С другой стороны – законодательное признание человека в силу естественного положения вещей естественного права возможным обладателем любых гражданских прав. По мнению О.С. Иоффе, правосубъектность исчерпывается мерой поведения, дозволенной субъекту права, и не порождает сама по себе возможности требовать определенного поведения от обязанных лиц. Она есть отношение с государством⁹. Вместе с тем такая правовая связь с государством, наполняя правоспособность социальным содержанием, не может существовать как единственное объяснение рассматриваемого вопроса, и в частности вопроса о социальной сущности правоспособности.

М.М. Агарковым в 1940 г. была выдвинута доктрина, получившая в научной литературе название теории динамической гражданской правоспособности, в соответствии с которой правоспособность предлагается рассматривать не исключительно статической категорией, но она может быть понимаема и динамически. По мнению ученого, обладание правоспособностью “не означает, например, что каждый может в данный момент сделаться собственником *определенной* вещи. Для этого надо, чтобы тот, кто является собственником в данный момент, предложил продать ему вещь или, наоборот, чтобы собственнику было сделано предложение и он ответил бы согласием... Гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами”¹⁰.

Основные положения критики этой теории сводятся к следующему. По мнению С.Н. Братуся, М. М. Агарков строит понятие субъективного права по модели обязательственного правоотношения, причем такого обязательственного правоотношения, которое возникает в момент нарушения чьего-либо права. Субъективное право для него – это то же, что и притязание. Исходя из широкого понимания субъективного права, в содержание которого должна включаться и возможность совершения положительных действий, а также из того, что если конкретные проявления гражданской правоспособности входят в состав определенного субъективного права, С.Н. Братусь задается вопросом: не следует ли прийти к

⁵ См.: Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Избр. произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 108–109.

⁶ См.: Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Сов. гос. и право. 1949. №8. С. 36; *Его же*. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6; Советское гражданское право. Субъекты гражданского права. М., 1984. С. 10 (автор главы – С.Н. Братусь).

⁷ См.: Толстой Ю.К. Заметки о научной деятельности О.С. Иоффе. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2006. С. 10–11.

⁸ Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права // Избр. труды. В 2-х т. Т. 2. М., 2005. С. 32.

⁹ См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право // Избр. труды. В 4-х т. Т. II. СПб., 2004. С. 122–123.

¹⁰ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избр. труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. I. М., 2002. С. 286–287.

выводу – то, что М. М. Агарков именует проявлением правоспособности, – это и есть субъективное право? И отвечает, что в таком случае следует признать: “правоспособностью является лишь общая или абстрактная возможность быть носителем субъективных прав и обязанностей”. Отдельные проявления конкретного субъективного права входят в его содержание, их реализация является предпосылкой для возникновения другого субъективного права, что, однако, не служит основанием для отделения проявлений конкретного субъективного права от самого субъективного права¹¹.

А.В. Венедиктов в идее “динамической” правоспособности видит смешение проявлений самой гражданской правоспособности с осуществлением отдельных правомочий, принадлежащих носителю конкретного субъективного права. По его мнению, право совершать договоры или составить завещание, с одной стороны, и осуществление таких отдельных правомочий, входящих в содержание конкретных субъективных прав, как право расторгнуть договор или произвести зачет с другой стороны, не являются “проявлениями” правоспособности, их нельзя ставить в один ряд¹². Ю.К. Толстой добавляет, что основной порок теории динамической правоспособности состоит в том, что ее сторонники смешивают объем правоспособности субъекта права (гражданина и организации) с объемом принадлежащих лицу в каждый данный момент субъективных прав¹³.

О.С. Иоффе считает, что для возникновения субъективных прав требуется наступление определенных юридических фактов, находящихся как бы между правоспособностью и субъективными правами. Однако этот момент не является изменением правоспособности, но знаменуют собой процесс образования субъективного права¹⁴. Не всякое проявление правосубъектности есть субъективное право, между правосубъектностью и субъективными правами имеется промежуточное звено, в качестве которого иногда выступают правомерные действия, не являющиеся осуществлением субъективного права. Однако возможность совершения подобных действий нельзя считать и секундарным правом. Речь идет о возможности совершения таких действий, которым закон придает силу

юридического факта¹⁵. И далее: отрицание понятия секундарного права приводит и к отрицанию понятия динамической правосубъектности. В этом понятии допускается смешение процесса образования субъективного права с правосубъектностью. Для того чтобы у данного лица возникло субъективное право, оно должно обладать правосубъектностью. Но непосредственно из правосубъектности субъективные права не возникают. Необходимо еще наступление определенных юридических фактов, таких как события, действия и даже сами субъективные права, которыми лицо уже обладает. Но субъективное право, которое одновременно можно отнести к юридическому факту, правосубъектности не порождает, а само возникает потому, что правосубъектность уже существует. Следовательно, отношения, в которых субъект права находится с другими лицами, имеют значение не для его правосубъектности, а для приобретения на основе уже имеющейся правосубъектности данных конкретных прав в отношениях с данными конкретными лицами¹⁶.

В ряде исследований теория динамической правоспособности получила дальнейшую разработку. В различной интерпретации она выражается по-прежнему: у В.А. Дозорцева правоспособность рассматривается в абстрактном и в конкретном проявлениях, у С. Ф. Кечекьяна – как общая и конкретная правоспособность, у Г.И. Петрова – в виде абстрактной и конкретной правоспособности¹⁷.

В указанных вариантах данная теория также критиковалась. Так, А.В. Венедиктов, не соглашаясь с утверждением В.А. Дозорцева, что “конкретная” правоспособность является важным этапом на пути превращения абстрактной правоспособности в субъективное право, отмечал, что “нет необходимости в построении какого-либо промежуточного или посредствующего “этапа” в том процессе осуществления абстрактной гражданской правоспособности в конкретных субъективных правах, основой и предпосылками возникновения которых являются правоспособность гражданина или социалистической организации и наличие определенных материальных условий и соответствующих юридических фактов. Правоспособность гражданина, равно как и специальная правоспособность юридического лица, как

¹¹ Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав. С. 30–36; *Его же*. Субъекты гражданского права. С. 9–10, 12.

¹² См.: Венедиктов А.В. О субъектах социалистических правоотношений // Избр. труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. II. М., 2004. С. 501–502.

¹³ См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 12–13.

¹⁴ См.: Иоффе О.С. Указ. соч. С. 124.

¹⁵ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 258.

¹⁶ См.: там же. С. 259.

¹⁷ См.: Дозорцев В.А. Права государственного промышленного предприятия на закрепленное за ним имущество. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1955. С. 15–18; Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 85; Петров Г.И. Сущность советского административного права. Дисс. ... доктора юрид. наук. Л., 1956. С. 176.

бы узко ни была определена сфера ее проявления нормами права, материальными условиями и иными предпосылками ее осуществления, всегда является абстрактной способностью, получающей именно непосредственное, а не через какое-то посредствующее “звено” или “этап”, осуществление в конкретных субъективных правах и обязанностях”¹⁸.

Подробный и обстоятельный анализ концепции динамической правоспособности, предложенной М.М. Агарковым в монографии “Обязательство по советскому гражданскому праву” в настоящее время проведен В.А. Беловым¹⁹. В ходе своего исследования он делает вывод о том, что “динамическое понимание правоспособности (так он предлагает называть концепцию М.М. Агаркова. – В.Г.) никак нельзя отождествить с конструированием принципиально нового понятия динамической правоспособности, тем более – противопоставляемой правоспособности вообще”. Скорее, по его словам, следует говорить о разделении прежде считавшегося однородным понятия правоспособности на две органически сплавленные составляющие – статическую (постоянную и одинаковую для всех субъектов определенного вида) и динамическую (для каждого субъекта индивидуальную и постоянно изменяющуюся).

По его мнению, “существуют юридически защищенные возможности, которые, с одной стороны, не являются элементами правоспособности в ее традиционном понимании, с другой – не могут быть сведены к субъективным правам”. Они образуют динамическую составляющую правоспособности. Соответственно сама “гражданская правоспособность не может быть понимается только в своей статике, но должна быть рассмотрена также и динамически”. При этом не исключается “существование внутри правоспособности и традиционно понимаемой ее части – абстрактных возможностей иметь права”.

Далее В.А. Белов приходит к заключению, что концепция динамического понимания правоспособности, предложенная М.М. Агарковым, с одной стороны, не исключает, а лишь несколько изменяет (дополняет) традиционное понятие правоспособности, с другой – не отождествляется с субъективными правами. При этом традиционные понятия субъективного права и правоспособности “не всегда совмещаются, а точнее – не описывают всех подлежащих описанию и характеристике явлений юридической действительности”.

¹⁸ Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 502.

¹⁹ См.: Белов В.А. Концепция “динамической правоспособности”: попытка нового прочтения // Кодекс-info. 2003. № 3–4. Текст статьи приводится по: <http://www.kodeks.ru>. Далее цитирование статьи идет по данному информационному ресурсу.

Чтобы устранить возникшие логические противоречия, автор предпринимает попытку “изменить понятие о гражданской правоспособности, признав, что она складывается из возможностей двух различных уровней абстракции – иметь (приобретать, осуществлять и распоряжаться) субъективные права (нести, возлагать, исполнять прекращать обязанности) вообще и аналогичных возможностей, относящихся к конкретным субъективным правам и юридическим обязанностям”.

Полностью соглашаясь с тезисом В.А. Белова, что правоспособность не является специфическим субъективным правом иметь права, “правом на права”, в то же время мы не можем поддерживать утверждение о наличии поведенческой составляющей в сущности правоспособности. Правоспособность – это не “мера поведенческих возможностей лиц, признаваемых субъектами права”. Правоспособностью не “измеряется абстрактная возможность поведения данного субъекта”, и она не разрешает вопроса “о дозволенности, возможности данного поведения для данного субъекта”, так как все это, по сути, будут следствия приобретенного субъективного права. Сведение правоспособности до указанных характеристик, равно как и сужение правоспособности до набора ряда таких возможностей, как “приобретать субъективные права и создавать юридические обязанности; иметь субъективные права и нести юридические обязанности по мере приобретения (принятия) таковых; осуществлять субъективные права и исполнять юридические обязанности; определять юридическую судьбу субъективных прав и обязанностей (распоряжаться ими, изменять их содержание и прекращать таковые иными способами, чем осуществление и исполнение)”, будет являться сведением правоспособности как качественной неотъемлемой составляющей категории “лицо”, через которую гражданин и становится субъектом гражданского права, к суммарной, числовой, количественной сущности правоспособности. Вольно или невольно такое понимание вводит нас в сферу субъективного права, которое, применяя такой подход, по сути, можно также рассматривать, допуская те или иные корректировки в сторону от ее традиционного и устоявшегося понимания. Поведенческая составляющая – скорее суть принадлежности субъективного права, которое с помощью юридических фактов превращается из норм права в возможности действия лица, трансформируя объективное право в субъективное. Этот факт подчеркнул Л. Жюллио де ла Морандьер, отметив, что понятие способности к участию в правоотношении не следует смешивать с понятием отсутствия правомочий, которое соответствует положению лица, каковое способно обладать тем

или иным правом, однако не имеет его на то или иное определенное имущество²⁰.

Объем гражданской правоспособности с достижением определенного возраста не меняется, потому что возможность самостоятельно избирать место жительства, перемены имени, быть членом кооператива, вступать в брачные отношения и т.д. закон связывает с возрастом не какого-то определенного человека, а с возрастом всех граждан. Делая акцент на слово “способность” в раскрытии понятия правоспособности, закон имеет в виду абстрактные возможности к правообладанию каждого лица. При этом достижение того или иного возраста может выступать элементом состава юридического факта, при полном формировании которого у лица возникает право вступить в брак, быть членом кооператива и т.д. Гражданская правоспособность не означает для каждого данного лица в каждый определенный момент возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами, а означает необходимую предпосылку, общую для любого лица в любой момент времени, иметь те или иные права и обязанности, без наличия которой субъективное право просто не сможет образоваться.

Исследуя вопрос об отсутствии права представлять интересы организаций в арбитражном суде лицами, не являющимися адвокатами, В.Г. Нестолый и Л.Н. Шамаева приходят к выводу о том, что таким образом законодатель ограничивает правоспособность юридических лиц и граждан в части возможности заключать между собой договоры о судебном представительстве. В этом случае, по их мнению, нельзя полагать, что любой гражданин, не являющийся адвокатом или работником организации, обладает абстрактной возможностью представлять эту организацию в суде, что для трансформации абстрактной возможности в субъективное право на заключение договора о судебном представительстве он должен всего лишь приобрести статус адвоката. В противном случае можно говорить и об абстрактной правоспособности раба. Конечно, раб не может совершать сделок, обладать собственностью. Раб не персона, не лицо, он говорящее орудие²¹.

В данных тезисах, на наш взгляд, не учитываются следующие моменты. Во-первых, правоспособность рассматривается как право, которое можно ограничить, в то время как у физического

лица она – суть, неотчуждаемое свойство²². Говоря о том, что любой гражданин, не являющийся адвокатом или работником организации, не обладает абстрактной возможностью представлять эту организацию в суде, мы смешиваем абстрактную возможность как способность любого человека к правообладанию, в том числе к получению статуса адвоката или к работе в той или иной организации, и конкретное правоотношение представительства. Все дело в том, что утратившая в настоящее время силу ч. 5 ст. 59 АПК РФ лишь пыталась связать (и ничего большего) реализацию общей возможности (которая имеется у всех лиц) представлять интересы тех или иных лиц с необходимостью получения для этого (дабы их защитить, в том числе и от представителя ненадлежащей квалификации) того или иного состояния, связанного с наступлением того или иного юридического факта (состава), нигде не говоря, что у физического лица нет такой абстрактной способности. На деле же, как справедливо отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П, критерием для ограничения допуска к участию в качестве представителей в арбитражном процессе законодателем были избраны не квалификационные требования, связанные с качеством юридической помощи и необходимостью защиты соответствующих публичных интересов, а лишь организационно-правовая форма, в которой выступает участник судопроизводства, нуждающийся в юридической помощи.

Определенный юридический факт выступает точным юридическим “рубиконом”, обуславливающим получение такого правового состояния, и занимает подчиненное положение по отношению к правоспособности как общей правовой основе возможности принадлежности прав. Иными словами, наличию определенных фактов придается юридическое значение по отношению к субъекту лишь при наличии у него качества правоспособности, состояния лица.

От правоспособности, как указывалось выше, необходимо отличать субъективное право. Последнее возникает на основе правоспособности как общей предпосылки, абстрактной возможности, на основе которой у лица при наличии определенных юридических фактов может возникать конкретное субъективное право. Противоположная точка зрения признает правоспособность субъективным правом, порождающим в процессе

²⁰ См.: Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. Т. I. М., 1958. С. 52.

²¹ См.: Нестолый В.Г., Шамаева Л.Н. Учение проф. М. М. Агаркова о динамической правоспособности и правовые вопросы защиты потребителей электроэнергии // Сибирский юридический вестник. 2005. № 2. <http://law.isu.ru/ru/science/vestnik/20052/nestoly.html>

²² Этот тезис убедительно доказывается в статье А.М. Нечаевой (см.: Нечаева А.М. О правоспособности и дееспособности физических лиц // Гос. и право. 2001. №2. С. 29-30; Её же: Правоспособность и дееспособность физических лиц как субъектов гражданских прав // Субъекты гражданского права / Отв. ред. Т.Е. Абова. М., 2000.

своей реализации другие, вытекающие из него конкретные субъективные права и обязанности.

Главное отличие правоспособности от субъективного права в том, что первое является возможностью иметь указанные в законе (или не указанные) права и обязанности, тогда как второе представляет собой уже существующее право, принадлежащее определенному лицу, субъективное право лица. Отличительный признак субъективного права – его установление относительно поведения конкретного (индивидуализированного) субъекта, причем применительно к конкретному взаимодействию этого субъекта с иными лицами (лицом). Именно это отражает уровень, на котором происходит фиксация границ правовых способностей субъекта, что не позволяет допускать смешения понятий “правоспособность” и “субъективное право”²³. Правоспособность всегда имеется у лица, субъективное право (которое всегда конкретно. – *В.Г.*) может и отсутствовать²⁴. Лицо как правовое состояние субъекта (не субъекта права. – *В.Г.*) предполагает в будущем его состояние как субъекта правоотношений, но не всегда предполагает уже существующего определенного субъективного права. Правоспособность лица – сфера возможного, субъективное право – сфера настоящего. Поэтому основное проявление правоспособности налагается на возможность приобретения права, а не на его осуществление, в котором правоспособность находит свое косвенное выражение, опосредованное моментом возникновения права у конкретного лица²⁵. Определяя правоспособность как способность иметь гражданские права и нести обязанности, еще раз необходимо отметить абстрактность такой возможности, которая является лишь общей способностью к обладанию. Как предпосылке правообладания, правоспособности нельзя противопоставлять субъективное право, так как они – звенья одной цепи. Без первого второе невозможно представить, без второго исчезает смысл первого.

В научной литературе распространено мнение, что субъективное право есть юридически определенная и обеспеченная мера дозволенного (возможного) поведения управомоченного лица, включающая в себя возможность требовать определенного поведения и от обязанных лиц. Последняя часть определения дает основание для различия правоспособности и субъективного права, включающего в себя не только меру дозволенного поведения, но и возможность требовать

определенного поведения от обязанных лиц. Способность быть субъектом права, способность к обладанию гражданским правом всегда будет отличаться от способности быть субъектом права собственности на определенный объект, от наличия реального права собственности на вещь²⁶, которому противостоит неопределенный круг лиц. Правоспособность в отличие от субъективного права не есть основание для правовых притязаний к другим лицам. Носителем корреспондирующей правоспособности обязанности (если ее рассматривать как субъективное право) не будет ни отдельный человек, ни другое коллективное образование, ни государство. Нельзя раскрыть и содержание такой обязанности²⁷.

Граница между правоспособностью и субъективным правом может быть четко определена при условии признания того, что субъективные гражданские права могут существовать лишь в рамках конкретного гражданского правоотношения, т.е. в сфере правовой действительности, в области факта. Субъективное гражданское право представляет собой социальную ценность лишь тогда, когда его можно реализовать, а его особое свойство проявляется в том, что оно, обеспечивая возможность совершения собственных действий, в случае необходимости служит причиной чужих действий (воздержания от них). Правовые возможности субъекта, установленные нормами объективного права, могут быть реализованы тогда, когда их осуществление обеспечивается указанием на соответствующее необходимое поведение обязанного лица²⁸. И в этом случае связь будет определенной, не абстрактной, причем ее конкретизация может быть проведена не только по субъектному составу обязанных лиц, но и на основании юридического факта, явившегося основанием возникновения гражданского правоотношения.

Правоспособность указывает не столько на обобщенное выражение прав, которые могут возникнуть на ее основе, сколько на саму возможность. Содержащийся в ст. 18 ГК РФ перечень наиболее важных и значимых прав, которыми физические лица могут обладать, не носит исчерпывающего характера. Данный абстрактный характер их выражения в законодательстве (ранее в ст. 10 ГК РСФСР) подчеркивает специфику правоспособности как общей неперменной составляющей, выражающей именно состояние лица, то-

²³ См.: *Ломидзе О.Г.* Правонаделение в гражданском законодательстве России. СПб., 2003. С. 15.

²⁴ См.: *Советское гражданское право. Учебник.* В 2-х ч. Ч. I / Под ред. В.А. Рясенцева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1986. С. 82.

²⁵ См.: *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 89.

²⁶ См.: *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты // Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 20.

²⁷ См.: *Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 89.

²⁸ См.: *Чеговадзе Л.А.* Система и состояние гражданского правоотношения. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2005. С. 21.

гда как субъективное право всегда строго определено.

Обратной стороной всякого определения будет то или иное ограничение. Наблюдается прямая зависимость определения явления от количества содержащихся в определении слов. Наибольшее неограничение наименее определено. Поэтому краткая легальная *definitio* правоспособности как способности иметь гражданские права и нести обязанности указывает на неограниченную, наиболее полную способность к правообладанию и соответствующую способность нести обязанности. Абсолютная полнота термина “способность” применительно к термину “право” как неотъемлемая качественная характеристика лица ни технически, ни содержательно не может означать способности к каким-то определенным правам. Это скорее презумпция всех возможных в настоящее время и возможных в будущем прав, которыми лицо может обладать. Подобный подход к правоспособности в гражданском праве в первую очередь обусловлен спецификой гражданско-правового предмета и метода регулирования общественных отношений.

В юридической литературе, начиная с работ М.М. Агаркова и С.Ф. Кечекьяна, утвердилось мнение, что понятие “субъект права” и понятие “субъект правоотношения” являются тождественными. Последний, в частности, отмечает, что лицо, становясь обладателем определенных прав, реализует только ту способность, которая ему была присуща и раньше, и не приобретает никаких новых качеств, кроме тех, которые целиком связаны с содержанием приобретаемых им прав и возлагаемых на него обязанностей. Исходя из этого, С.Ф. Кечекьян указывает на достаточность одного термина “субъект права” для обозначения как лица, способного стать носителем прав и обязанностей, так и лица, уже участвующего в правоотношении²⁹. Справедливость такой позиции М.К. Сулейменов видит в том, что, говоря о субъектах права, мы имеем в виду право в субъективном смысле, которое не существует вне правоотношения. Следовательно, субъект права неизбежно выступает и как субъект правоотношения³⁰. Слабость данной теории видится в недостаточном учете различий, исходящих из публично-правового и частноправового регулирования. В определенной степени это проявляется в теориях существования общих и конкретных правоотношений. Понятие “субъект права” этимологически не ограничивается лишь предметом гражданского (и даже частного) права, выступая общей

категорией, опосредующей возможное участие человека в отношениях, регулируемых всеми отраслями права. Если встать на точку зрения сторонников существования общих (общерегулятивных) правоотношений, то здесь субъект права выступает одной из сторон правоотношения, другой стороной которого, соответственно, выступает государство. В гражданско-правовой сфере общеправовое понятие “субъект права” отождествляется с понятием “лицо”, которое и используется цивилистикой. Именно такое объяснение позволяет устранить противоречие, подмеченное казахским ученым, подчеркнувшим, что субъект права – это лицо, обладающее правосубъектностью, которая возникает у него до возникновения конкретного правоотношения как возможность вступить в правоотношение, приобрести права и наложить на себя обязанности³¹. Исходя из этого, общее понятие “субъект права” не может рассматриваться как состояние, предусматривающее совокупную а) возможность участия в различных правоотношениях и б) реальное в них участие. Государство может в рамках отмеченного правоотношения предоставить человеку субъективное право быть состоянием, лицом, способным участвовать в определенной области общественных отношений, определив, с наступления какого юридического факта наступает правоспособность и, соответственно, состояние лица. И только после этого лицо может стать участником конкретного правоотношения, в котором оно будет обладать субъективным правом, выражающимся в обеспеченном правом поведении: или непосредственно – при осуществлении права собственности на ту или иную вещь, или опосредованно – при требовании определенного поведения от обязанного лица. В русле этих рассуждений следует согласиться с выделением более узкого понятия, чем субъект права, – понятия участника правоотношения, которое предоставляет возможность охарактеризовать определенную сторону реального бытия субъекта права – его участие в конкретных общественных отношениях³². Таким образом, между субъектом права и субъектом конкретного гражданского правоотношения всегда будет находиться статическая гражданско-правовая категория “состояние в виде лица” с органически присущим ему качеством правоспособности как способности иметь имущество на праве собственности или заключить договор, но иметь не право собственности на конкретную вещь или вступить в договорные отношения с конкретным лицом, а абстрактную способность, зависящую от объективно меняющихся внешних условий.

Возможно ли в качестве своеобразной предпосылки правоспособности рассматривать есте-

²⁹ См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 84.

³⁰ См.: Сулейменов М.К. Субъекты гражданского права // Избр. труды по гражданскому праву / Научн. ред. В.С. Ем. С. 24.

³¹ См.: там же.

³² Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 116.

ственную способность иметь права и обязанности? Вопрос далеко не праздный, так как его решение влечет ответ на другой вопрос: кто не только может в соответствии с действующим законодательством обладать правами, но и, несмотря на возможные обратные установления позитивного права, обладает ими?

В юридической литературе стал традиционным взгляд на правоспособность как на свойство человека, установленное законом³³. В свою очередь, С.С. Алексеев обоснованно отмечает тот факт, что за последние десятилетия юридически возвысившиеся права человека оказали наиболее мощное влияние именно на частное право, на основную предмет гражданских законов – на человека, его статус и возможности. Гражданские законы, основанные на частном праве, по его мнению, не только были предуготованы историей для нашего времени – времени вхождения человечества в эпоху цивилизации последовательно демократического типа, но и как будто ожидали воссоединения с юридически возвысившимися правами человека³⁴. Исходя из этого, можно констатировать, что в настоящее время основу правоспособности, закрепленной гражданским правом, составляют неотъемлемые, естественные права человека, вызванные общим движением цивилизации к социальным и гуманитарным целям и приоритетам в целом и лежащие в основе частного права. Именно они выступают основой способности человека устанавливать прямые или опосредованные связи с другими лицами для удовлетворения своих потребностей, достижения поставленных целей, реализации интересов. Поэтому, несмотря на то что правоспособность признана законом, по нашему мнению, будет не совсем

правильным считать ее результатом воли только законодателя.

По образному выражению В.И. Синайского, “право не может дать способности. Английский парламент, по поговорке, все может сделать, но не может превратить, однако, мужчину в женщину и наоборот”³⁵. “Ни закон, ни иной акт... не порождают и не могут порождать правоспособность как состояние гражданина как такового”³⁶. Скорректируем данный тезис в том смысле, что основанием, позволяющим считать человека лицом в гражданском праве, выступает его человеческая природа. Она же суть причина, по которой объективное право надлежащим образом и оформляет эту связь в настоящее время.

Правоспособность как неотъемлемое качество каждого физического лица, таким образом, характеризует любого человека и не может быть сравнена с конкретным правом, подобным, например, избирательным правам в публично-правовой сфере. Другое дело, что это качество исходит из общего принципа, в соответствии с которым “право существует для людей”, являясь, по сути, его трансформацией. Действующее право, фиксируя правоспособность в законе, означает *санкционирование, утверждение* государством естественного положения дел, превращая его в институт позитивного установления. По этой причине невозможность отчуждения или ограничения правоспособности есть факт правовой действительности. В какой-то степени такой подход коррелирует с рассмотрением лица и субъекта права с позиции онтологических, априорных оснований права, которые находят свое подтверждение в генезисе права.

³³ См., например: *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. С. 6; *Гражданское право. В 2-х т. Т. I. Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2000. С. 114.*

³⁴ См.: *Алексеев С.С.* Право собственности. Проблемы теории. Екатеринбург, 2006. С. 50.

³⁵ *Синайский В.И.* Основы гражданского права в связи с частью III Свода узаконений, действующих в Латвии и Эстонии. Вып. I. Общая часть. Система личных прав. Авторское право. Рига, 1924. С. 180.

³⁶ *Нечаева А.М.* О правоспособности и дееспособности физических лиц // Указ. соч. С. 29.